

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ

№ 21.

1891 г.

Ноября 1-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Архіепископъ Волынскій

(бывшій Епископъ Вятскій)

Агаѳангель (Соловьевъ).

Очеркъ жизни и дѣятельности Преосвященнаго.

(Продолженіе *).

Послѣдствія доноса о. Агаѳангела.

Отзывъ Митрополита Кіевскаго и объясненія его съ Ober-Прокуроромъ Св. Синода Графомъ Протасовымъ. Прочитавъ безъимянное письмо съ денесеніемъ о литографированномъ переводѣ Библии, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Кіевскій, немедленно позаботился найти экземпляръ этого перевода. Онъ понялъ изъ прочитаннаго доноса, гдѣ надобно искать его, а потому и обратился за нимъ къ вновь назначенному ректору С.-Петербургской Духовной Академіи, о. архимандриту Аѳанасію Дроздову ¹⁾. О. ректоръ представилъ Его Высокопре-

*) См. № 18-й.

¹⁾ Аѳанасій (Дроздовъ), съ 1841 г. ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, вполнѣдствіи Архіепископъ Астраханскій, уволенный на покой 6 апрѣля 1870 года, скончался въ 1876 году.

освященству одинъ экземпляръ литографіи. Прочитавши нѣсколько мѣстъ перевода, указанныхъ въ письмѣ доносчика, Митрополитъ увидѣлъ, что все сообщенное о переводѣ въ анонимномъ письмѣ совершенно вѣрно, что переводъ исполненъ многихъ вольностей, что надписанія священныхъ книгъ и примѣчанія переводчика содержатъ въ себѣ нечестіе и ереси, а потому благочестивый святитель Кіевскій проникся глубокою скорбію и справедливымъ негодованіемъ на появленіе нечестиваго творенія: онъ не хотѣлъ медлить своимъ словомъ и разсудилъ сейчасъ же сообщить о семъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, Графу Протасову, прося его немедленно предложить о появившемся въ русскомъ обществѣ незаконномъ и антихристіанскомъ литографированномъ переводѣ Святѣйшему Синоду, для соборнаго разсмотрѣнія.

Препровождая къ Оберъ-Прокурору свое сообщеніе, 19 января 1842 г., Митрополитъ Кіевскій приложилъ при немъ и письмо безъимяннаго автора, увѣдомляя Графа, что, по порученію его, отысканъ и доставленъ ему одинъ экземпляръ этого перевода. Высокопреосвященный Филаретъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„При самомъ поверхностномъ обзорѣни сего нечестиваго творенія, нельзя не видѣть съ глубокимъ прискорбіемъ, какое важное зло для Православной Церкви и отечества нашего можетъ произойти отъ распространенія его въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и въ народѣ. Благочестивые предки наши, по особенному промыслу Всевышняго о любезномъ отечествѣ нашемъ, принявши благочестивую христіанскую вѣру во всей чистотѣ ея, богодухновенныя книги священнаго писанія, на которомъ она основывается доселѣ, съ бла-

оговѣніемъ хранили отъ всякаго нововведенія, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, какъ неоцѣненный даръ Божій и залогъ временнаго благоденствія и вѣчнаго блаженства. Великая и священная обязанность наша, возложенная на насъ Богомъ, сохранить сей залогъ и передать потомству нашему во всей его чистотѣ, дабы непостыдно явиться предъ лице Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа въ день откровенія славы Его“.

Сообщивъ г. Синодальному Оберъ-Прокурору о безимянномъ доносѣ и препроводивъ къ нему подлинное письмо доносчика, Преосвященный Митрополитъ просилъ Оберъ-Прокурора принять возможно-скорѣйшія мѣры къ открытію виновныхъ въ распространеніи зловреднаго литографированнаго перевода въ учебныхъ заведеніяхъ и въ народѣ и настаивалъ немедленно предложить о семъ Святѣйшему Синоду для соборнаго разсмотрѣнія этого важнаго дѣла; съ этимъ же вмѣстѣ просилъ назначить произвести строжайшее разслѣдованіе во всѣхъ Академіяхъ: С.-Петербургской, Кіевской и Московской. Когда же Графъ, при личномъ свиданіи съ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ, высказалъ недовольство такими крайне настоятельными требованіями его и отклонялъ ихъ, то Митрополитъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ я дерзну лично предстать предъ лице Государя“¹⁾).

Послѣ объясненія съ Митрополитомъ Кіевскимъ, Графъ Протасовъ, прежде чѣмъ внести это дѣло на обсужденіе Святѣйшаго Синода, поручилъ директору Духовно-учебнаго Управленія А. И. Карасевскому сна-

¹⁾ Смотр. „Высокопр Филаретъ (Амфитеатровъ), Митроп. Кіевскій и его время“. Архим. Сергія (Василевскаго) т. I. стр. 406. Казань 1888 г.; а также Хр. Чт. 1872 г. мѣсяць май, стр. 102—104.

чала произвести предварительное дознаніе объ означенномъ переводѣ. Ключъ къ открытію литографіи данъ былъ о. ректоромъ Петербургской Академіи архимандритомъ Аѳанасіемъ. Переводъ, о которомъ доносилось въ анонимномъ письмѣ, принадлежитъ бывшему профессору С.-Петербургской Духовной Академіи, протоіерею Павскому, а изданіе перевода, чрезъ литографію, студентамъ той-же Академіи. Туда и обратился г. Карасевскій за разслѣдованіемъ.

Дознаніе было произведено скоро и успѣшно. Студенты не отреклись отъ своего дѣтища, — изданной ими литографированной Библии; Карасевскій узналъ даже, что переводъ этотъ былъ извѣстенъ и начальству Академіи и наставникамъ, что онъ изданъ былъ два раза: въ 1839 и — 41 год. и что почти всѣ наставники Академіи имѣли по экземпляру литографіи. Значить, литографированіе сего перевода происходило не безъ вѣдома начальства Академіи. Почему, г. Карасевскій, по окончаніи дознанія, представляя свой рапортъ Графу Протасову (10 февраля 1842 г.), въ заключеніе собранныхъ имъ свѣдѣній о литографированіи Библии студентами С.-Петербургской Дух. Академіи доносилъ, что бывший ректоръ Академіи, архимандритъ Николай Доброхотовъ, впоследствии Епископъ Тамбовскій, инспекторъ архимандритъ Филофей и многіе изъ наставниковъ Академіи знали о литографированіи перевода и имѣли у себя экземпляры онаго; а потому можно заключить, что литографированіе производилось секретнымъ образомъ не столько изъ опасенія студентовъ на счетъ академическаго начальства, сколько по другимъ побужденіямъ. Они опасались только высшаго духовно-училищнаго начальства, такъ какъ въ Академіи вообще принимали за достовѣрное, что объ означенномъ переводѣ Святѣй-

шій Синодъ имѣеть невыгодное мнѣніе и, будто бы, этотъ переводъ былъ напечатанъ въ 20-хъ годахъ и найденъ неправильнымъ, а потому отобранъ у всѣхъ, получившихъ оный и возвращенъ въ канцелярію Святѣйшаго Синода.

Дѣйствія Митрополита Московскаго Филарета, по полученіи имъ безгиманнаго доноса. Велѣдъ за представленіемъ рапорта г. Карасевскаго Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, Графу Протасову, Высокопреосвященный Митрополитъ Московскій Филаретъ представилъ (11 февраля) въ Святѣйшій Синодъ донесеніе слѣдующаго содержания: „Получивъ въ одномъ изъ трехъ экземпляровъ, извѣстный Святѣйшему Синоду, изъ Владиміра, неподписанный доносъ, о существованіи литографированнаго неправильнаго перевода нѣкоторыхъ книгъ ветхаго заветъа, съ примѣчаніями, далеко уклоняющимися отъ истиннаго разума слова Божія и толкованія святыхъ отецъ, при увѣренности, что по двумъ прочимъ экземплярамъ происходитъ надлежащее разсмотрѣніе, я немедленно почувствовалъ себя озабоченнымъ въ отношеніи ко увѣренной мнѣ епархіи, чтобы не насѣялись плевелы.

Первую заботливость обращала на себя Академія, въ которой, при особенномъ расположеніи къ любознательности, особенно надлежало опасаться, чтобы нѣкоторые не были привлечены любопытствомъ къ неблагополучной новости.

Посему предложилъ я секретно Академическому Правленію:

1) Самымъ скромнымъ и неформальнымъ, но, по возможности, точнымъ образомъ дознать: не находится ли экземпляровъ сего перевода у кого-либо въ Академіи.

2) При семъ изъяснить тѣмъ, у кого можетъ онъ оказаться, что, предоставивъ его начальству теперь же

добровольно, симъ докажутъ они, что пріобрѣли его только по любознательности, а не по участию въ незаконномъ предпріятіи и что они не раздѣляютъ тѣхъ неправославныхъ мнѣній о пророческихъ книгахъ и пророчествахъ, которыхъ выраженіемъ сдѣлано сіе изданіе.

3) Если экземпляры будутъ открыты и доставлены, положить ихъ, подѣ печатью, въ надежное хранилище, а мнѣ довести обстоятельно, не простираясь ни въ какія дальнѣйшія дѣйствія, и не допуская никакой гласности.

Академическое Правленіе отъ 1-го сего февраля, представило мнѣ слѣдующее:

1) Неотлагательно, но самымъ скромнымъ и неформальнымъ образомъ, дознано, у кого въ Академіи находятся экземпляры означеннаго перевода;

2) при разысканіи оказалось, что въ Академіи, у воспитанниковъ оной находится восемь экземпляровъ сего перевода;

3) не допуская никакой гласности, изъяснено тѣмъ изъ воспитанниковъ Академіи, у которыхъ открыты экземпляры, чтобы они представили сіи экземпляры ректору Академіи;

4) всѣ воспитанники Академіи, у которыхъ нашлись экземпляры перевода, тотчасъ же и добровольно представили сіи экземпляры ректору Академіи, изъявляя собственное убѣжденіе въ неправославіи перевода и показывая, что они пріобрѣли сей переводъ по одному любопытству и думая, что литографированіе перевода производилось не безъ дозволенія отъ начальства;

5) всѣ доставленные экземпляры перевода запечатаны и положены для храненія въ академическую бібліотеку ¹⁾.

¹⁾ О литографированномъ переводѣ книгъ ветхаго завѣта Мит-

Отъ 4 сего февраля, Академическое Правленіе дополнительно донесло мѣ, что еще оказалось четыре экземпляра, которые и присоединены для храненія къ прочимъ.

О семъ долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія Святѣйшаго Сѣнода, для соображенія съ производящимся дѣломъ.

Вашего Святѣйшества низжайшій послушникъ Филаретъ, Митрополитъ Московскій.

№ 55. 11 февраля 1842 г.

Разсмотрѣніе дѣла о литографир. переводѣ въ Свят. Сѣнодѣ и постановленіе по сему дѣлу. По полученіи двухъ формальныхъ донесеній, отъ двухъ старѣйшихъ членовъ Святѣйшаго Сѣнода, Митрополитовъ Кіевскаго и Московскаго, о литографированномъ переводѣ Библии, и рапорта отъ директора Духовно-учебнаго Управленія Св. Сѣнода Карасевскаго, Оберъ-Прокуроръ немедленно предложилъ дѣло о литографированномъ переводѣ Библии на соборное разсмотрѣніе и обсужденіе Святѣйшаго Сѣнода. Святѣйшій Сѣнодъ, тщательно разсмотрѣвъ доложенное ему дѣло, пришелъ къ общему и единодушному заключенію, что литографированный переводъ Библии, вращающійся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а можетъ быть и въ народѣ, крайне опасенъ и вреденъ для благочестиваго и религіознаго чувства вѣрующихъ, ибо онъ во многихъ мѣстахъ исполненъ явныхъ неправильностей и нечестія,—(Значить, по соборномъ разсмотрѣніи литографированнаго перевода Библии, онъ найденъ высшими представителями Русской Церкви таковымъ же, каковымъ нашель его и о. Агаѳангелъ) и

рополитъ Филаретъ, частнымъ образомъ, не разъ писалъ къ намѣстнику Троицкой Сергіевой Лавры, архимандриту Антонію. См. письма его къ Антонію №№ 312, 313, 314, 315 и 317, М. 1878 г., ч. II.

опредѣлили: всѣ экземпляры перевода отобрать отъ всѣхъ, у кого они окажутся, и произвести тщательное дознаніе о томъ, кто составлялъ, кто литографировалъ и распространялъ сей переводъ и т. д. ¹⁾).

Мнѣніе и отзывъ о литографированномъ переводѣ Библіи Митрополита Петербургскаго Серафима. При разсужденіи о литографированномъ переводѣ Библіи не было въ Святѣйшемъ Синодѣ первенствующаго члена его, Высокопреосвященнаго Митрополита Петербургскаго Серафима; но, прочитавъ синодскій протоколъ, онъ писалъ къ Оберъ-Прокурору (1 марта 1842 г.) слѣдующее: „По болѣзни моей, я не могъ принять личнаго участія въ разсмотрѣніи поступившаго въ Святѣйшій Синодъ дѣла объ оказавшемся здѣсь искаженномъ и нечестивомъ переложеніи учительныхъ и пророческихъ книгъ ветхаго завѣта, изданномъ въ тайнѣ и распространенномъ посредствомъ литографированія: но, по особенной важности случая, вмѣняю себѣ въ обязанность, собравъ на одрѣ болѣзни остатокъ силъ, сообщить вашему сіятельству соображенія и мысли, какія внушаютъ мнѣ долгъ моего званія, святость присяги, сыновняя преданность къ нашей древней отечественной православной вѣрѣ и опыты долготнаго служенія Святой Церкви. При извѣстіи объ упомянутомъ переложеніи, я исполнился душевнаго прискорбія, какъ потому, что такое злоупотребленіе святынею очевидно угрожаетъ той чистотѣ, въ которой

¹⁾ *Примѣч.* Подробности дознанія и разслѣдованій, какъ касающіяся личности Преосвященнаго Агаангела, нѣтъ пужды излагать здѣсь; но постараемся изложить при изданіи біографіи Преосвященнаго отдѣльною книгою. Здѣсь же достаточно сказать, что прот. Павскій переводъ призналъ своимъ; но ни въ искаженіяхъ и ошибкахъ, ни въ литографированіи, ни въ распространеніи литографир. перевода, виновнымъ себя не призналъ, какъ не принимавшій никакого въ томъ участія.

ученіе вѣры преподавалось въ отечествѣ нашемъ, ограждаемомъ отъ пагубныхъ иноземныхъ суемудрій помощью Божіею и попеченіемъ Благочестивѣйшаго Государя Императора, такъ и потому, что такое злокачественное посягательство явилось отъ имени и посреди духовнаго юношества, отъ котораго мы ожидаемъ вѣрныхъ и усердныхъ пастырей и служителей Церкви; воспитывающей ихъ своими трудами и пожертвованіями. Рассматривая сей случай со всѣхъ сторонъ, я, къ великому прискорбію, усматриваю въ немъ горестное послѣдствіе тѣхъ ложныхъ на счетъ употребленія слова Божія понятій, которыя, бывъ нѣкогда занесены къ намъ ино-вѣрцами, и увлекши умы нѣкоторыхъ у насъ, угрожали іерархіи—подрывомъ во власти, народу—воспитаніемъ въ немъ оболъстительнаго, но вмѣстѣ и гибельнаго, чувства независимости отъ Церкви, православію—испроверженіемъ коренныхъ началъ его; ибо, по ученію Православной Церкви, священное писаніе предано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей, и уже чрезъ нихъ народу. Зловредныя мнѣнія, пресѣченіе коихъ требовало великихъ усилій отъ истиннаго усердія къ Церкви ¹⁾, возродившись нынѣ и явившись во всемъ своемъ безобразіи, на самомъ опытѣ показали, какъ глубоко вкореняются и съ какимъ трудомъ врачуются подобные недуги. Нечестивое преложеніе священнаго писанія тѣмъ больше возбуждаетъ негодованіе и скорбь, что оно явилось тогда, когда Православная Церковь наша такъ недавно еще одними истинами своего неповрежденнаго ученія возвратила къ себѣ милліоны отпадшихъ чадъ ²⁾, когда начинаютъ вразумляться и другіе, погрѣшительно уко-

¹⁾ Разумѣется запрещеніе библейскихъ обществъ въ Россіи.

²⁾ Разумѣется воссоединеніе униатовъ въ Правосл. Церковь, послѣдовавшее въ 1839 году.

ряющіе насъ въ допущеніи перемѣнъ, и когда Церковь наша съ утѣшеніемъ видитъ возрастающимъ благочестивое чувство въ народѣ, возбужденное примѣромъ благочестія въ Государѣ“. Въ этихъ мысляхъ Митрополитъ Серафимъ предлагалъ: 1) дознать съ полною достовѣрностью, кто именно тотъ или тѣ, которые возбудили студентовъ приступить къ такому дѣлу: ибо не можетъ онъ допустить, чтобы студенты приступили къ тому сами, безъ руководства, безъ опыта, безъ связи съ прежнимъ воспрещеннымъ образомъ мыслей; и затѣмъ виновнымъ пресѣчь всякую возможность посягать на подобныя дѣйствія, испытать совѣсть и тѣхъ, которые почему-либо знали о существованіи зла и оказывали грѣховное равнодушіе, не поспѣшивъ обнаружить того, какъ требовали и присяга и польза Церкви, и 2) усилить мѣры, которыя уже приняты г. Оберъ-Прокуроромъ и на которыя онъ, Преосвященный Митрополитъ, всегда взиралъ съ истинною признательностью, призывая на нихъ благословеніе Божіе, чтобы на будущее время все воспитаніе духовнаго юношества направлено было къ сохраненію во всей неприкосновенности прямого православнаго ученія вѣры и ограждено отъ всякаго колебанія мыслями иновѣрныхъ и чтобы никто ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не отваживался посягать на переложеніе священнаго писанія, долженствующаго оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ оно принято нами отъ нашихъ благочестивыхъ предковъ и до нынѣ служило залогомъ нашего благоденствія. „Глубоко убѣжденный въ сей истинѣ, писалъ Преосвященный Митрополитъ,—я старался ограждать ее, по мѣрѣ силъ моихъ, во все продолженіе моей службы, готовъ изойти и теперь съ тѣмъ же усердіемъ, а если Господу Богу угодно будетъ оставить меня на одрѣ болѣзни, то передаю ее вашему сіятель-

ству, какъ мое послѣднее желаніе, какъ завѣщаніе архіерея, служившаго до глубокой старости Церкви и Государю въ истинной къ нимъ любви и преданности. Зная вполнѣ образъ мыслей вашего сіятельства, совершенно православный, и ваше усердіе къ службѣ Его Императорскаго Величества, я остаюсь покойнымъ и утѣшаюсь мыслию, что вы примете все нужныя мѣры въ семъ столь важномъ случаѣ, прося васъ, милостивый государь, передать мои мысли и Святѣйшему Синоду, если я не возмогу въ скоромъ времени присутствовать въ ономъ“.

Допросы и разслѣдованія о литографированномъ переводѣ Библии въ Московской Духовной Академіи. Тревожное состояніе о. Агапела. Движенія его по службѣ. Въ то время, когда происходило въ Святѣйшемъ Синодѣ разслѣдованіе о литографированномъ переводѣ, когда подавались различныя мнѣнія, составлялись комиссіи для допросовъ, подписывались протоколы и журналы по сему предмету,—тогда и въ Московской Духовной Академіи производились дознанія и разслѣдованія по сему же предмету, сначала—по предложенію Московскаго Митрополита Филарета, секретно, начальствомъ Академіи, а потомъ, чрезъ нѣсколько времени, по распоряженію Святѣйшаго Синода, членами особо учрежденнаго для сей цѣли комитета, въ составъ котораго входили: 1) Преосвященный Епископъ Агапитъ (?), 2) членъ Синодальной канцеляріи, Донскаго Монастыря архимандритъ Теофанъ и 3) одинъ Синодскій чиновникъ. Комитету предписано было дознать: кто изъ Московскихъ студентовъ или духовныхъ лицъ (?) входилъ въ переписку съ Петербургскими студентами о высылкѣ экземпляровъ литографированнаго перевода Библии и для какой именно цѣли; не имѣется ли у нихъ такъ называемаго москов-

скаго списка, и не было ли въ Москвѣ повторено литографированія Библии и въ какомъ количествѣ экземпляровъ. Произведенное симъ комитетомъ изслѣдованіе показало, что 1) въ переписку о высылкѣ экземпляровъ входилъ преимущественно бывшій воспитанникъ Московской Академіи, нынѣ наставникъ Симбирской Семинаріи Х., и въ этомъ случаѣ цѣль была та же, какая обнаружена и въ Петербургской Академіи; 2) что такъ называемаго *Московского списка* ¹⁾ не открылось. По показаніямъ же профессора Московской Академіи О. А. Голубинскаго и другихъ, названіе это приписано спискамъ съ рукописныхъ переводовъ, имѣвшихся у бакалавра той Академіи іеромонаха Агаангела, которые давалъ онъ, какъ самъ сознался, означенному Голубинскому и нѣкоторымъ другимъ наставникамъ и воспитанникамъ Академіи, а сіи оставляли у себя съ нихъ такіе же списки. При семъ іеромонахъ Агаангель объяснилъ, что означенные переводы получилъ онъ отъ покойнаго бакалавра Пчелинскаго, воспитывавшагося въ С.-Петербургской Академіи, который приписывалъ ихъ протоіерею Павскому, и что одну часть сихъ переводовъ, заключающую въ себѣ книгу Іереміи, Притчи и меньшихъ пророковъ, представилъ онъ ректору Академіи ²⁾, а другая и именно книги: Экклезіаста, Исаи, Іова, Даніила, Аввакума и послѣднія главы Захаріи и Малахіи, сожжена имъ. Впрочемъ изъ показаній профессора О. А. Голубинскаго и профессора А. В. Горскаго видно, что списки нѣкоторыхъ книгъ Священнаго Писанія ходили

¹⁾ Въ Петербургѣ носились слухи, что въ Москвѣ, кромѣ литографированнаго перевода, ходитъ по рукамъ рукописный переводъ нѣкоторыхъ книгъ Священнаго Писанія, и это враги Митрополита Филарета поставляли ему въ вину.

²⁾ Вѣроятно во время 1-го дознанія, которое было сдѣлано по предложенію Митрополита Филарета.

по рукамъ наставниковъ Академіи съ 1824 года; но чьего перевода, послѣдній изъ нихъ не зналъ, первый же представилъ и самый списокъ, содержацій въ себѣ 20 главъ Второзаконія и книгу Нееміи, утверждая, что этотъ списокъ сдѣланъ съ перевода, составленнаго комитетомъ, учрежденнымъ въ 1824 году въ Москвѣ, ¹⁾ подъ предсѣдательствомъ бывшего ректора Академіи, впослѣдствіи Архіепископа Каменецъ-Подольскаго, Кирилла. Литографированія перевода въ Москвѣ вовсе произведено не было“ ²⁾.—Вотъ все, что могъ дознать комитетъ по вопросу о литографированномъ переводѣ въ Московской Духовной Академіи.—Подобные же комитеты отбирали показанія, касательно литографированнаго перевода Библии, и въ другихъ Академіяхъ, особенно въ Петербургской, гдѣ оказались главными виновниками изданія литографированнаго перевода студенты XIII курса *Гошкевичъ* и XIV *Жемчужинъ*, какъ читали мы выше.

Не легко было о. Агаѳангелу переживать злополучное время различныхъ допросовъ и разслѣдованій по дѣлу о литографированномъ переводѣ. Онъ чувствовалъ, что виновникъ всѣхъ подобныхъ разслѣдованій есть онъ, чрезъ его анонимный доносъ; онъ увидѣлъ теперь, что онъ навлекъ своимъ доносомъ крайнія непріятности и безпокойства своимъ достойнѣйшимъ сослуживцамъ и товарищамъ; еще болѣе онъ восчувствовалъ скорбь и нравственное негодованіе на себя, когда въ Лавру ста-

¹⁾ Во время существованія у насъ „Россійскаго Библейскаго Общества“ главное управленіе онаго находилось въ С.-Петербургѣ, а въ Москвѣ въ 1824 году было учреждено особое отдѣленіе сего общества съ особымъ Комитетомъ. О. А. Голубинскій въ своихъ показаніяхъ и указываетъ при допросѣ его на сей именно комитетъ.

²⁾ Слухи о перелитографированіи перевода Библии въ Москвѣ, вѣроятно, были пущены врагами Московскаго Митрополита Филарета.

ли доходить изъ Петербурга неблагопріятные слухи, что первосвятитель Московскій подвергся неисчислимымъ непріятностямъ. Отъ юности своей онъ былъ преданнѣйшій сынъ Церкви и почитатель ея представителей и святителей,—особенно же глубоко онъ чтить, даже до своей смерти, Преосвященнѣйшаго своего Архипастыря, Митрополита Московскаго Филарета, желая ему всякаго добра и вѣруя, что не преломить его никакая человѣческая сила. Теперь же, слыша, что этотъ великій святитель и столпъ Россійской Церкви потерпѣлъ великія непріятности и что все это сдѣлалось влѣдствіе его безъимяннаго доноса, о. Агаѳангель не зналъ, что и дѣлать. Онъ хотѣлъ бы немедленно припасть къ стопамъ своего святителя и облегчить свою душу своимъ признаніемъ предъ нимъ и испрошеніемъ у него прощенія; но, при далекомъ отсутствіи, Высокопреосвященнаго своего Архипастыря, онъ не могъ этого сдѣлать. Чтобы, мало-мальски, облегчить свое горе, онъ открылъ свою душу бывшему и любимѣйшему своему профессору, а теперь сослуживцу, Ѳ. А. Голубинскому, и тотъ успокоилъ о. Агаѳангела отъ волненій и душевнаго его горя. Мы видимъ изъ писемъ о. Агаѳангела (въ это время) къ брату его о. Николаю Михайловичу и другимъ роднымъ, что горе его было весьма велико; въ каждомъ письмѣ своемъ къ нимъ онъ проситъ усиленно молиться за него Пресвятой и Живоначальной Троицѣ и преподобному отцу нашему Сергію Радонежскому Чудотворцу; заказалъ даже на цѣлый годъ Ильинскому причту служить по Воскреснымъ днямъ, тотчасъ же послѣ обѣдни, молебны, чтобы въ молитвѣ принимали участіе и всѣ присутствующіе въ церкви. „Я вѣрю и надѣюсь, пишетъ онъ брату своему Николаю отъ 16-го апрѣля 1842 г., что усиленная молитва многихъ сер-

дець проникнетъ небеса и преклонитъ Господа на Его милость“. А старшей сестрѣ своей, вдовицѣ Анастасіи, то и дѣло простираетъ онъ щедрую руку свою съ обильными подаяніями.—

Служебное положеніе о. Агаѳангела за это время, однако, повысилось. Съ 28-го февраля 1842 года онъ сдѣланъ былъ исправляющимъ должность инспектора Московской Духовной Академіи и, въ то же время, сверхъ Священнаго Писанія, ему поручено было начальствомъ преподавать студентамъ Академіи Нравственное Богословіе и Каноническое право. Въ томъ же 1842 году 10—28 марта опредѣленъ инспекторомъ той же Академіи и перемѣщенъ бакалавромъ на классы Нравственнаго Богословія и Каноническаго права.

Не особенно возрадовался о. Агаѳангель своему повышенію и новой должности. Вотъ что писалъ онъ своему брату Николаю Михаилу отъ 6 мая 1842 года: „Любезнѣйшій братецъ Николай Михайловичъ! Новое и неудобъ носимое иго возложили на меня—инспекторство. Благодарю начальство за вниманіе, но весьма опасаясь новой должности, чувствуя свое безсиліе и и тѣлесныя немощи. Вмѣстѣ съ сею неприятною должностію возложено на меня и преподаваніе иныхъ предметовъ.—Только-что освоился я съ преподаваніемъ Священнаго Писанія и могъ бы быть болѣе полезнымъ для своихъ слушателей, а меня оторвали отъ него. Требуется новыя усилія, и я боюсь разстроить мое послѣднее здоровье. Желалъ бы отказаться отъ сей должности и оставаться по прежнему истолкователемъ Слова Божія, но я монахъ и боюсь прогнѣвать своего Владыку. Умоляю тебя и другихъ родныхъ моихъ—попросите мнѣ у Господа помощи“.

Такимъ образомъ къ прежнему горю приложилась

новая грусть и забота на душу о. Агаангела. Но онъ отдался на волю Божию и во всемъ ожидалъ отъ Него Единого помощи.

Пріѣздъ Митрополита Филарета въ Москву. Письменное признаніе о. Агаангела въ его безгнѣбномъ донось. Донесеніе о семъ Митрополита Филарета въ Святѣйшій Синодъ. Высокопреосвященный Митрополитъ Московскій Филаретъ, послѣ многоразличныхъ непріятностей, послѣдовавшихъ съ нимъ въ С.-Петербургѣ, пріѣхалъ въ Москву 18-го мая.

Около сего времени въ Московской Духовной Академіи довольно сильно сталъ распространяться, между студентами и профессорами, слухъ, что авторомъ безгнѣбнаго доноса тремъ Митрополитамъ былъ инспекторъ ихъ о. Агаангель. Одинъ изъ товарищей и сослуживцевъ о. Агаангела сообщилъ ему объ этомъ. Такъ какъ и прежде о. Агаангель имѣлъ намѣреніе во всемъ лично признаться своему Архипастырю, падши къ ногамъ его; теперь же, не дожидаясь пріѣзда Владыки своего въ Лавру, онъ успѣшилъ немедленно написать Высокопреосвященному Митрополиту признательное письмо и просить у него прощенія въ своемъ необдуманномъ и надѣлавшемъ столько шуму поступкѣ. Онъ признался съ начала о. ректору Академіи, архимандриту Евсеію ¹⁾, прося его сообщить о семъ Митрополиту, а въ слѣдъ за симъ и самъ написалъ ему письмо слѣдующаго содержания:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивый
Архипастырь и отецъ!

„Слыша отъ нѣкоторыхъ изъ окружающихъ меня, что многимъ несомнѣнно извѣстно мое участіе въ доне-

¹⁾ Евсеій (Орлицкій), съ 29 августа 1860 г. Архіепископъ Могилевскій; ум. 21 февраля 1883 г.

сені о литографированномъ переводѣ ветхаго завѣта, и опасаясь, что это дойдетъ до Вашего Высокопреосвященства въ неблагопріятномъ видѣ, осмѣливаюсь объяснить предъ Вами весь ходъ сего дѣла.

Когда вышелъ въ Петербургѣ русскій переводъ, то и я съ радостію принялъ вѣсть о появленіи его, опытно зная, какъ трудно, и даже невозможно преподавать уроки по славянскому переводу на классѣ Священнаго Писанія. Я самъ желалъ приобрѣсть переводъ, хотя не могъ, потому что всѣ экземпляры были уже раскуплены. Между тѣмъ, студенты, имѣвшіе его въ своихъ рукахъ, объявили мнѣ, что переводъ въ весьма многихъ мѣстахъ искаженъ, что подлинность и истина нѣкоторыхъ пророчествъ подвергается въ немъ сомнѣнію. Это заставило меня, при объясненіи пророческихъ книгъ, раскрыть въ классѣ съ особенною подробностію тѣ основанія, на которыхъ утверждается ученіе Святой Церкви, и опровергнуть всѣ возраженія, на коихъ невѣріе опираетъ свои лжеумствованія. Студентамъ внушаемо было, что къ сему послѣднему классу принадлежитъ и переводъ.

При встрѣчахъ съ наставниками, я слышалъ желаніе выразиться о переводѣ опредѣленнѣе и прямѣе. Почему взялъ одинъ экземпляръ къ себѣ въ келью для внимательнаго разсмотрѣнія его, и открылъ, что соблазнъ невѣрія распространенъ почти по всему переводу, что въ немъ совершенно извращены всѣ, даже самыя яснѣйшія пророчества о Спасителѣ міра. Помня высокія мысли незабвенныхъ наставниковъ моихъ о Словѣ Божіемъ и нося въ сердцѣ заповѣди самого Господа и Апостоловъ о томъ, какъ свято должно хранить Божественное сокровище Писанія, я не могъ оставаться равнодушнымъ къ заблужденіямъ, коими испровергались основанія святой вѣры нашей, и рѣшился донести о качествѣ пере-

вода начальству, изобразивъ вмѣстѣ необходимость новаго, чистаго перевода.

Сначала намѣреніемъ моимъ было внести сіе донесеніе въ Правленіе здѣшней Академіи или представить прямо Вашему Высокопреосвященству. Но зная по одному письменному извѣстію, какую болѣзнь причинилъ Вашему святительскому сердцу прежній Вашъ подвигъ касательно подобнаго произведенія переводчика, и представляя, что донесеніе можетъ быть сочтено за плодъ Вашихъ распоряженій по неудовольствіямъ къ переводчику, что дѣйствіе здѣшней Академіи можетъ быть принято за вражду съ Петербургскою; наконецъ, не почитая возможнымъ безъ необходимости открывать свое имя, рѣшился я въ особыхъ экземплярахъ представить донесеніе къ Вашему Высокопреосвященству, къ Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму и къ Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Кіевскому и Галицкому Филарету, и, миновавъ здѣшнюю и другія ближайшія почтовые конторы, послать чрезъ Владиміръ. Желалъ испросить чрезъ о. Ректора Вашего Архипастырскаго благословенія на сіе; но это значило уже донести Вашему Высокопреосвященству о всемъ дѣлѣ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Повергаясь къ милосердію Вашего Высокопреосвященства, прошу отеческаго прощенія, что дерзнулъ непосредственно утруждать святѣйшихъ архипастырей и причинилъ безпокойство Вашему Высокопреосвященству, когда можно было достигнуть сего мирно чрезъ ближайшее начальство. Прошу милостиваго прощенія также въ томъ, что отъ поспѣшности (дѣло производилось въ дни экзамена) вошли въ донесенія неосновательныя мысли и выраженія, противныя подлиннымъ моимъ чувствамъ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Вашего Высокопреосвященства, Милостивѣйшаго Архипастыря и отца недостойный послушникъ

Московской Духовной Академіи инспекторъ соборный іеромонахъ Агаѳангель.

Мая 24 дня, 1842 года“.

Высокопреосвященный Филаретъ, получивши донесеніе отъ о. ректора Московской Духовной Академіи архимандрита Евсевія о признаніи о. Агаѳангела въ составленіи имъ безымяннаго доноса, посланнаго имъ на имя трехъ Митрополитовъ изъ губернскаго города Владиміра, а также признательное письмо отъ о. Агаѳангела, немедленно послалъ донесеніе о семъ въ Святѣйшій Сѹнодъ слѣдующаго содержанія:

„Святѣйшему Правительствующему Сѹноду, отъ члена оного Филарета Митрополита Московскаго и Коломенскаго, донесеніе.

Московской Духовной Академіи ректоръ архимандритъ Евсевій донесъ мнѣ, что сего мая 18 дня Академіи инспекторъ, соборный іеромонахъ Агаѳангель объявилъ ему, что три прошенія, посланныя изъ губернскаго города Владиміра, на имя членовъ Святѣйшаго Сѹнода, касательно распространившагося литографированнаго перевода священнаго писанія, поступили отъ него.

О семъ долгомъ поставляю донести Святѣйшему Сѹноду, въ чаяніи, что сіе обстоятельство способствовать будетъ къ сохраненію благоволенія Святѣйшаго Сѹнода къ Московской Духовной Академіи, какъ доказывающее, что сія Академія не только не участвовала въ противозаконномъ предпріятіи, но изъ нея возникло и первое обличеніе неправославнаго дѣла.

Вашего Святѣйшества низайшій послушникъ Филаретъ, Митрополитъ Московскій¹⁾.

№ 24. 24 мая. 1842 года.

(Продолженіе будетъ).

Мысли великаго миссіонера о народномъ образованіи.

Знаменитый „апостоль Алѣски и Камчатки“, впоследствии Московскій Митрополитъ Иннокентій въ теченіе всей своей долготѣней жизни живо интересовался вопросами, касавшимися народнаго образованія, и самъ не мало потрудился надъ его распространеніемъ. Какъ іерархъ, вышедшій изъ народа (Святитель былъ сынъ бѣднаго Сибирскаго пономаря), какъ глубокой знатокъ народной жизни и народнаго быта, какъ человекъ, обладавшій огромнымъ опытомъ, свѣтлымъ умомъ, поразительнымъ практическимъ смысломъ и ревностною, пламенною любовью къ христіанскому просвѣщенію „малыхъ сихъ“,—Митрополитъ Иннокентій не могъ увлекаться несбыточными мечтами и фантастическими планами, не могъ успокоиваться на красивыхъ фразахъ и радужныхъ надеждахъ. Онъ жаждалъ дѣла, живаго, серьезнаго дѣла. Все, что онъ начиналъ и предлагалъ, отличалось смѣлостью замысла, широтою размаха, но въ то же время изумительною простотою и совершенною удобоисполнимостью. Его мысли о народномъ образованіи въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны. Онѣ проникнуты такимъ истинно апостольскимъ духомъ, такою искреннею любовью къ народу, такою жаждою добра и подвига,

¹⁾ Черн. бум. Митроп. Филарета, хранящ. въ Моск. Духовн. Академіи, пак. № 2-й, докум. № 13-й. См. также „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета Митрополита, т. III-й, № 271, стр. 80.

такимъ глубокимъ постиженіемъ народныхъ потребностей и стремленій, что внушаютъ невольное благоговѣніе къ высказавшему ихъ святителю. Но когда вы ознакомитесь съ ними поближе, вдумаетесь въ нихъ хорошенько, вамъ покажется, что все это такъ просто, такъ очевидно, что вы съ удивленіемъ спросите себя, почему же это вамъ до сихъ поръ не приходило въ голову?

„Апостоль Аляски и Камчатки“ написалъ о народномъ образованіи очень не много; нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ—вогъ все, что осталось отъ него по этому предмету. Но эти „отрывочныя замѣтки“ составляютъ истинное сокровище для людей, дающихъ себѣ ясный отчетъ въ знаніи народнаго образованія и въ той великой миссіи, которая лежитъ на духовенствѣ, этомъ стародавнемъ и вѣковомъ просвѣтителѣ русскаго народа. Теперь, когда эта миссія уже никѣмъ не оспаривается, мысли Иннокентія о народномъ образованіи заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Иннокентій исходитъ изъ того положенія, которое остается во всей своей силѣ и въ настоящее время. Довольствоваться школьнымъ образованіемъ, говоритъ онъ, нельзя, ибо школь сравнительно мало, знать же основныя истины православной вѣры и получить доброе христіанское воспитаніе должны всѣ дѣти безъ исключенія.

Какъ же тутъ быть?

Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1845 года Иннокентій говоритъ: „Мысли мои совсѣмъ не новы.. Мысль моя заключается въ томъ, что мы, какъ пастыри, какъ учителя, какъ преемники апостоловъ, непременно должны вполне соответствовать своему званію, т. е. мы должны учить.. Читенія или поученія, которыя говорятся съ кафедръ или печатаются, весьма немногимъ доступны:

ихъ слышать и понимаютъ только тѣ, которые получили нѣкоторое образованіе. Но большая часть народа, но цѣлая масса народа, остается безъ всякаго назиданія... Что же малолѣтніе? что же дѣти, которыхъ, надобно полагать, всегда вдвое противу взрослыхъ? Кто ихъ будетъ учить? Гдѣ они услышатъ наставленія и назиданія въ нравственности? Въ училищахъ?.. Но много ли изъ простаго народа имѣютъ случай быть въ училищахъ? Отъ кого же могутъ услышать наставленія тѣ, которые не имѣютъ случая быть въ училищахъ? Отъ пастырей? Да! отъ нихъ-то и должны были бы дѣти слышать и учиться. И такъ, что же предпринять и дѣлать для того, чтобы поддерживать, распространять и укоренять благочестіе въ простомъ народѣ? Учить,—и учить съ начала, съ основанія, т. е. начать учить дѣтей съ самаго малаго возраста... Учить всѣхъ дѣтей простаго народа—вотъ мысль, которая меня давно занимаетъ и которую мнѣ отчасти удалось привести въ исполненіе и даже благодареніе Господу! видѣть отъ того нѣкоторые плоды“.

Развивая эти мысли, Иннокентій въ томъ же письмѣ доказываетъ, что учиться Слову Божию должны „малолѣтніе всякаго возраста“, „но преимущественно дѣвушки, какъ будущія матери, ибо извѣстно, что никто не можетъ научить нравственности лучше, какъ мать, и что у благочестивой матери, можно сказать, всегда дѣти будутъ нравственны. Цѣль ученія должна состоять въ развитіи „благочестія“, т. е. теплой осмысленной вѣры, сознанія нравственнаго долга, привычки и усердія къ молитвѣ. Обыкновенный рассказъ, чтеніе Священнаго Писанія и житій святыхъ и устная бесѣда—наилучшіе способы ученія. Для нихъ не требуется особыхъ зданій. Та же церковь, гдѣ совершаются молитвы, можетъ быть и мѣстомъ ученія благочестію; учить же ему могутъ не

только священнослужители, но даже и причетники“.

„Учить народъ, говорить Иннокентій, есть существенная обязанность священнослужителей, причетники всегда должны быть ихъ помощниками. Учить народъ—это одно только можетъ поставить духовенство на ту степень почета и уваженія, на которой оно должно быть по своему сану. Это сдѣлаетъ священниковъ въ точномъ смыслѣ отцами своихъ прихожанъ. И это есть вѣрный способъ улучшенія благосостоянія духовенства. Боже мой, что можетъ быть приличнѣе, святѣе и восхитительнѣе, какъ видѣть пастыря, бесѣдующаго съ дѣтьми и поучающаго ихъ! Что можетъ быть восхитительнѣе для пастыря, какъ видѣть цѣлое поколѣніе, воспитанное его словомъ! Тогда, точно, онъ есть пастырь, котораго голосъ знаютъ овцы его и пастырь, который знаетъ овецъ своихъ и котораго знаютъ овцы его. И кто изъ прихожанъ не будетъ уважать его тогда, и уважать точно, какъ отца и друга? И кто откажется сдѣлать ему пособіе въ случаѣ нужды?... Чему же будутъ учить дьячки? Первоначальной молитвѣ и диктовать уроки. Это дѣло не трудное, всякому изъ нихъ по силамъ“.

Самымъ лучшимъ временемъ для собесѣдованія съ дѣтьми Иннокентій считалъ праздники, часы до обѣдни. Онъ ни мало не сомнѣвался, что крестьяне охотно будутъ посылать своихъ дѣтей въ церковь въ назначенное время. „Стоитъ только объяснить имъ цѣль и важность таковыхъ учрежденій и большая часть ихъ приметъ съ благодарностью, и, навѣрное, никто не откажется посылать дѣтей своихъ, особливо если это будетъ сдѣлано именемъ вѣры. Въ русскомъ народѣ есть столько добрыхъ качествъ и столько прекрасныхъ элементовъ, что изъ него можно сдѣлать, по истинѣ, первый народъ, а въ уваженіи къ религіи едва ли кто и теперь

сравнивается съ нимъ. Простой народъ очень любитъ слушать бесѣды о Божествѣ (какъ они говорятъ), и потому можно быть увѣрену, что къ слушанію дѣтскихъ бесѣдъ будутъ приходить и взрослые, особливо старики и старушки“.

Иннокентій былъ убѣжденъ, что праздничныя, внѣбогослужебныя собесѣдованія священнослужителей съ дѣтьми принесутъ громадную пользу. „Что если Господь благословитъ это! говоритъ онъ. Какія и сколько будетъ прекраснѣйшихъ плодовъ даже черезъ 15 лѣтъ! А черезъ 20 лѣтъ нельзя будетъ узнать Россію. Исчислять пользу таковыхъ учрежденій значить то же, что исчислять пользу истиннаго просвѣщенія, но мы представимъ здѣсь нѣсколько и другихъ, такъ сказать, второстепенныхъ пользъ: а) Если всякая школа и всякое ученіе простой грамотѣ способствуетъ просвѣщенію, то кольми паче ученіе, котораго цѣль будетъ прямо и исключительно нравственность и христіанство. б) Если и самая сухая наука развиваетъ понятіе дѣтей и научаетъ ихъ нѣсколько мыслить, то и ученіе благочестію, если не болѣе, то отнюдь не менѣе будетъ способствовать тому во всякомъ случаѣ. в) Если предположить, что дитя въ теченіе года успѣетъ быть и при 30-ти бесѣдахъ, и если изъ всего того, что оно можетъ слышать и понять, останется у него въ головѣ 10-я часть; а на сердце падетъ 100-я, то въ 10—12 лѣтъ у него наберется порядочный запасъ въ умѣ и сердцѣ“.

Двадцать слишкомъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ было написано это письмо, Иннокентій, уже бывшій Митрополитомъ Московскимъ, въ 1869 году составилъ записку, въ которой развилъ свои мысли о народномъ образованіи вообще, о праздничныхъ занятіяхъ съ дѣтьми Словомъ Божиимъ въ частности. Тутъ онъ, между

прочимъ, болѣе подробно излагаетъ свой взглядъ на вопросы: „кого, чему и какъ учить“!

„Ни одно христіанское дитя, говоритъ онъ, не можетъ быть увольняемо отъ обязанности слушать наставника духовнаго... *„Всѣ безъ исключенія дѣти, начиная отъ 4-хъ или 5-лѣтняго возраста и выше, обязаны посѣщать дѣтскія бесѣды. Но не рано-ли заставлятъ четырехлѣтнихъ дѣтей посѣщать дѣтскія бесѣды?... Не рано. Примѣромъ тому можетъ служить благочестивая разумная мать. У нея дитя трехъ и даже менѣе лѣтъ умѣетъ изобразить на себѣ крестъ, различать икону отъ простой картины, читать краткія молитвы и т. д. Чѣмъ ранѣе внушаются дѣтямъ понятія о Божественномъ, тѣмъ тверже укореняются въ нихъ эти понятія и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе можно ожидать отъ нихъ добрыхъ плодовъ. Особенно, если это дѣлается съ вѣрою и въ вѣрѣ въ благодать Божію, вразумляющую младенцевъ“.* Чему-же и какъ учить дѣтей? „Начинать ученіе надлежитъ именно съ того, чѣмъ начинается добрая мать: какъ изображать на себѣ крестное знаменіе, какъ стоять на молитвѣ, какъ стоять въ ней, какъ класть поклоны и проч., наблюдая постепенность и не упуская никакихъ предметовъ, относящихся къ христіанскимъ обязанностямъ, какъ бы малы они ни казались, ибо и самыя огромнѣйшія зданія строятся изъ песчинокъ. Можно почаще занимать дѣтей чтеніемъ или разказами о житіи святыхъ или изъ Священной Исторіи, съ объясненіями и нравоученіями. Такъ какъ ученики, если не всѣ, то самая большая часть безграмотны, то, само собою разумѣется, что дабы они могли запомнить преподаваемое, надобно будетъ одно и то же повторять имъ по нѣсколько разъ. Время бесѣдъ должно быть непродолжительно, иначе дѣти будутъ утомляться и затѣмъ скучать.

Пособіемъ къ обученію дѣтей въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ служить иконы и священныя изображенія“.

Таковы были мысли „великаго миссіонера“ о направленіи и объемѣ образованія или, точнѣе сказать, просвѣщенія (ибо изученіе Слова Божія и воспитаніе въ духѣ истиннаго благочестія и есть просвѣщеніе въ собственномъ смыслѣ слова), безъ котораго не долженъ и не можетъ обойтись ни одинъ ребенокъ, хотя бы ему и не пришлось быть въ школѣ.

Мысли Иннокентія не утратили своего значенія и теперь, когда принимаются мѣры къ умноженію церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Напротивъ того, эти мысли поражаютъ своей жизненностью и современностью.

(Вил. Вѣстн.)

Открытіе церковно-приходской школы въ Холуницкомъ заводѣ.

17 Октября 1891 года, въ день чудеснаго избавленія Божественнымъ Промысломъ Ихъ Величествъ и Августѣйшей Семьи отъ грозившей опасности при крушеніи поѣзда, въ Холуницкомъ заводѣ состоялось открытіе первой церковно-приходской мужской школы, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Мысль объ открытіи церковной школы давно зародилась у всѣми уважаемаго, молодого, энергичнаго священника Воскресенской церкви о. Николая Верещагина. Сначала не имѣлось въ виду дома, гдѣ бы можно было помѣстить школу, а потомъ явилось затрудненіе, какими средствами содержать оную. Но благодаря настоянію о. Николая Верещагина и сочувствію прихожанъ, всѣ затрудненія были устранены: по перемѣщеніи о. Николая

на новую квартиру, одинъ изъ церковныхъ домовъ оказался свободнымъ, а средства на содержаніе школы дали Попечительства — Троицкой и Воскресенской церквей, ассигновавшія къ ежегодному отпуску на жалованье учительницъ, наемъ сторожа и отопленіе помѣщенія по 100 рублей каждое и, кромѣ того, мѣстное благотворительное общество отпустило единовременно изъ своихъ суммъ на устройство партъ, скамеекъ и проч. 30 руб., преподаваніе же закона Божія принялъ на себя бесплатно о. Николай Верещагинъ, а обученіе мальчиковъ церковному пѣнію возложено на діакона Воскресенской церкви Акишева и псаломщика Лобовикова. Такимъ образомъ дальнѣйшее существованіе церковно-приходской школы въ Холуницкомъ заводѣ обеспечено.

17 Октября, въ присутствіи г.г. Попечителя двухкласснаго училища Министерства Народнаго Просвѣщенія и всѣхъ земскихъ въ заводѣ школъ Зигеля, земскаго начальника, судебного слѣдователя, становаго пристава, учительскаго персонала и почетныхъ служащихъ завода въ школѣ было совершено, съ участіемъ зарѣчнаго хора пѣвчихъ, торжественное молебствіе протоіереемъ Николаемъ Зоновымъ въ сослуженіи о. Верещагина, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, затѣмъ Пресвященнѣйшему Сергію, Епископу Вятскому и Слободскому, и въ заключеніе благотворителямъ и благоустроителямъ школы, учащимъ и учащимся. Послѣ молебна о. Николай Верещагинъ въ своей прекрасной рѣчи, напомнивъ настоящій знаменательный день избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшей Семьи отъ грозившей опасности, обрисовалъ цѣль и значеніе церковной школы, ожидаемую отъ нея пользу, благодарилъ присутствующихъ за сочувствіе и при цѣлованіи святаго

животворящаго креста окропилъ всёхъ св. водою. Этимъ и закончилось скромное, но знаменательное въ лѣтописяхъ завода торжество открытія школы.

Въ Холуницкомъ заводѣ, по числу, это уже пятая школа и не смотря на необычный, поздній пріемъ, учениковъ набралось въ ней болѣе 45 изъ заводскихъ и деревенскихъ мальчиковъ.

Отъ души привѣтствуемъ этотъ новый разсадникъ образованія и отъ души желаемъ ему преуспѣянія въ будущемъ, въ чемъ впрочемъ нельзя и сомнѣваться, пока школа эта будетъ находиться подъ руководствомъ такого разсудливаго и энергичнаго наставника, какъ священникъ Николай Верещагинъ.

Василій Ведерниковъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Архіепископъ Волинскій, бывшій Епископъ Вятскій, Агаангелъ (Соловьевъ). Мысли великаго миссіонера о народномъ образованіи. Открытіе церковно-приходской школы въ Холуницкомъ заводѣ.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ два раза въ мѣсяць— 1 и 16-го числа. Цѣна годовому изданію въ Редакціи 4 руб., а съ доставкой на домъ въ г. Вятѣ и съ пересылкою въ другія мѣста 5 руб. Подписка принимается въ Редакціи сихъ Вѣдомостей, въ домѣ кафедральнаго собора.

Редакторъ Кафедральный Протоіерей *Теодоръ Кибардинъ.*

Дозволено цензурою. 26 Октября 1891 года.

ВЯТКА.

Типографія Маишеева,

бывшая

Куклина и Красовецкаго.

1891.

